

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 18-го июля 1904 года.

Къ старикамъ.

(Посвящается моимъ друзьямъ „ч-цямъ“).

На скань намъ пришло иное поколѣние, —
 Вы теперь и мѣсто, и почетъ!
 Освободили же путь... „Безъ страха и сомнѣнья“,
 Какъ нѣкогда и мы, — въ порывѣ влдохненія,
 Поправши старое, — оно ищите впередъ!

Какия лица все — прекрасныя, живныя!
 Здѣсь любовь и любовь, здѣсь ароматы весны!
 И кудри чудныя, и очи огненныя!
 И рѣчи пылкія и рѣчи боевыя,
 И души гордыя, и розовые смилъ!

Не станемъ имъ твердить, что ихъ мечты — химера,
 Что только намъ одинъ

лучш истины свѣтилъ, —
 Вѣдь это будетъ ложь...

Не надо имъ призрака:
 Въ нихъ пламенемъ своимъ горитъ

и пишеть въра, —
 Живымъ ключомъ кипитъ

избытокъ свѣжихъ силъ.
 Нашъ день погасъ уже,

залерунились туманомъ, —
 Надъ ними жь солнце

только-что вошло...
 Имъ жизнь пока еще не кажется

обманомъ, —
 Нѣтъ, — полная красота

безграницимъ океаномъ,
 Она раскинулась предъ

нами такъ свѣтло...
 Они теперь творимъ людскаго

счастья въ жизни...
 И молотъ, и топорики

мы предстанимъ имъ...
 И чуждые тогда тяжелой

укоризнѣ,
 Свободы гимнъ спокотъ они

на нашей тризнѣ, —
 А мы, пока живемъ,

ихъ трудъ благоволимъ.

N. N.

Городъ Хобдо.

Китайскій городъ Хобдо находится на южномъ склонѣ горъ, отдѣляющихъ Томскую губернію отъ владѣній китайской имперіи. Онъ построенъ китайцами въ 1717 или, по другому извѣстію въ 1730 г.; въ томъ же 1730 г. на сѣверной сторонѣ тѣхъ же горъ, то есть на сѣверной сторонѣ Алтая, русские построили городъ Байскъ. Слѣдовательно оба города одинаково насчитываютъ около двухъ сотъ лѣтъ существованія. Эти два города связаны взаимно торговыми сношеніями.

Послѣ линіи торговыхъ сношеній съ Китаемъ, идущей черезъ Кяхту, линія, идущая черезъ Хобдо и Байскъ должна считаться второю по живости сношеній. Городъ Хобдо занимаетъ по отношенію къ Байску такое же положеніе, какъ китайскій Маймачень относительно русской Кяхты; Хобдо можно назвать байскимъ маймаченемъ*). Забѣгаемъ однако большаго разица въ значеніи и расположеніи этихъ пунктовъ; кяхтинскій маймачень стоитъ подлѣ самой Кяхты; ихъ раздѣляетъ площадь только въ 50 саж., шириной; между Байскомъ же и Хобдо разстояние въ 700 верстъ.

Торговое и промышленное значеніе двухъ городовъ Хобдо и Байска совершенно различно. Байскъ многолюднѣе; въ немъ до 20 тысячъ жителей; это центръ густо населеннаго земледѣльческаго района. Совсѣмъ другое дѣло Хобдо; это небольшой городокъ; въ немъ меньше 2000 жителей, лежить онъ въ центрѣ кочевого на-

селенія; верстъ на 300—400 кругомъ нѣтъ обшдѣлыхъ мѣстъ, кромѣ небольшихъ ламайскихъ монастырей; ближайшія окрестности города представляютъ почти абсолютную пустыню; караваны, приходящіе въ городъ, должны немедленно отсылать своихъ животныхъ за 80 верстъ отъ города, такъ какъ ближе нѣтъ кормовъ для скота. Но торговые обороты города Хобдо во много кратъ обширнѣе, чѣмъ обороты Байска; это торговая колонія; здѣсь живутъ китайскіе миллионеры, тогда какъ въ Байскѣ, кажется, нѣтъ ни одного миллионера. Поэтому Хобдо мало похоже на нашъ Байскъ и больше похоже на нашу Кяхту, въ которой только семь или восемь домовладѣльцевъ и всѣ миллионеры.

Хобдо лежитъ на ровной площади, окруженной съ юга, запада и сѣвера скалистыми гора-

покатыми крышамъ. Дворовъ въ маймаченѣ насчитывается не больше 60. Двѣ улицы пересѣкаютъ маймачень повдоль съ сѣвера на югъ, одна широкая и прямая, другая узкая и кривая; третья проходитъ поперекъ.

Широкая улица носитъ характеръ, который не встрѣчается во внутреннемъ Китаѣ; такъ строятся китайцы только въ внѣшнемъ Китаѣ; каждый дворъ здѣсь купеческая цитадель; на улицу выходитъ только сѣрые обмазанные глиной заборы съ воротами; отсутствіе оконъ и магазиновъ съ открытыми дверями дѣлаютъ улицу молчаливою и безжизненною; лавки, жилища фанзы и склады товаровъ построены внутри дворовъ. Но эта мертвенность улицы ослабляется рядами высокихъ тополей, которые идутъ по бокамъ улицы. Такие бульвары рѣдко встрѣчаются въ городахъ внутренняго Китая. Высокіе тополи превращаютъ эту улицу въ нарядный avenue, упирающийся въ южныя ворота сѣверной крѣпости. Парадный видъ улицы однако мало импонируетъ на монгольскихъ всадниковъ, посѣщающихъ городъ, и случается видѣть, какъ такой всадникъ въ шелковомъ платкѣ или молодой дѣвчца, обшпанная серебряными кольцами, цѣпями и бляхами, слезаетъ съ лошади и посреди улицы, несмотря на присутствіе публики, отдаетъ долгъ природѣ.

Кривая узкая улица больше напоминаетъ города внутренняго Китая. Во дворахъ широкой улицы производится только оптова продажа товаровъ; тутъ вращаются сотнями тысячъ рублей; на кривой идетъ мелочная торговля. Улица представляетъ рядъ нѣзъ большихъ лавочекъ, но слѣдующихъ одна за другою съ небольшими перерывами. Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ среднее между лавкой и мастерскою; на полкахъ за прилавкомъ товаря и тутъ же за прилавкомъ мастера работаютъ вещи.

Крупныхъ оптовыхъ фирмъ, которыя всѣ почитаются на широкой улицѣ, въ Хобдо насчитывается девять; онѣ носятъ названія: Да-шань-куй, Тянь-и-дэ, Юань-шань-дэ, Чагантай и друг. Изъ нихъ самая цвѣтущая Да-шань-куй; она состоитъ изъ купцовъ города Гуй-хуа-чена (на Желтой рѣкѣ). Капиталъ ея опредѣляется въ 40 миллионовъ рублей. Эта фирма ежегодно отправляетъ изъ сѣверо-западной Монголіи въ городъ Гуй-хуа-ченъ отъ 80 до 100 тысячъ барановъ. Всѣ эти фирмы служатъ банкирами, скупающими монгольскіе хомуны или князства серебромъ для вноса податей, взаимѣтъ чего они собираютъ съ народа съ лхвой баранами, шкурами, шерстью и пр.

Кромѣ гуй-хуа-ченскихъ купцовъ здѣсь можно всегда встрѣтить купцовъ изъ Пекина, но до послѣдняго времени постоянно живущихъ въ Хобдо пекинцевъ не было; они наѣзжали на короткій срокъ; только недавно одна пекинская лавка прочно обосновалась въ городѣ. Еще рѣже сюда наѣзжаютъ сарты изъ Турфана съ сумшени фруктами и хотанскимъ нефритомъ.

Русскіе стали посѣщать Хобдо съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Нѣсколько лавочъ построилихъ, другія открываются только на лѣто; все это байскіе купцы. Кромѣ торговли въ городѣ, русскіе занимаются развозомъ товаровъ по хохуанамъ.

На нашихъ рисункахъ представлены во-первыхъ отличный фасадъ торговой лавки въ Хобдо, во-вторыхъ внутренность китайскаго двора. Грубая деревянская рѣшетка изъ жерднѣ

Торговая лавка на узкой ул. въ г. Хобдо.

ми, поднимающимися вблизи отъ города; на востокъ горы свивются только на отдаленномъ горизонтѣ. Сѣверныя горы отдѣляютъ окрестности города отъ обширной всадники, въ которой лежитъ одно изъ самыхъ большихъ озеръ сѣверо-западной Монголіи по имени Хараруу. Въ разстояніи болѣе версты отъ города протекаетъ горная рѣка Буниту, прозрачныя чистыя воды которой быстро текутъ по каменистому дну; ни одно дерево, ни одинъ лужокъ съ зеленой травкой не оживляютъ берега этой рѣки, покрытые голымъ булыжникомъ. Рѣка дѣлаетъ прорывъ въ сѣверныхъ горахъ и впадаетъ въ озеро Хараруу; въ то же озеро впадаетъ еще другая рѣка еще болѣе значительная, именно Хобдо, отъ которой и городъ получилъ свое названіе, хотя отстоятъ отъ нея на 80 верстъ. Горячіе тона красныхъ гранитныхъ совершенно безлѣсныхъ горъ, сѣрый цвѣтъ остальной земной поверхности и отсутствіе зелени и тѣни въ загордннхъ окрестностяхъ представляютъ картину, незнакомую жителямъ сѣвернаго склона Алтая; въ Хобдо вы чувствуете, что вы уже въ центральной Азій, у воротъ пустынной и падающей зноиы Гобии.

Въ Хобдо двѣ крѣпости, но безъ гарнизоновъ, которые давно отсюда вывелись; въ крѣпостяхъ живутъ теперь чиновники. Онѣ обнесены кирпичными стѣнами съ угловыми башнями, какими обыкновенно обносятся китайскіе города. Въ промежуткѣ между двумя крѣпостями построенъ самый городъ, вѣрнѣе маймачень, то есть торговая свобода. Маймачень состоитъ изъ невысокихъ одноэтажныхъ фанзъ, построенныхъ изъ сырцоваго кирпича съ почти плоскими, мало

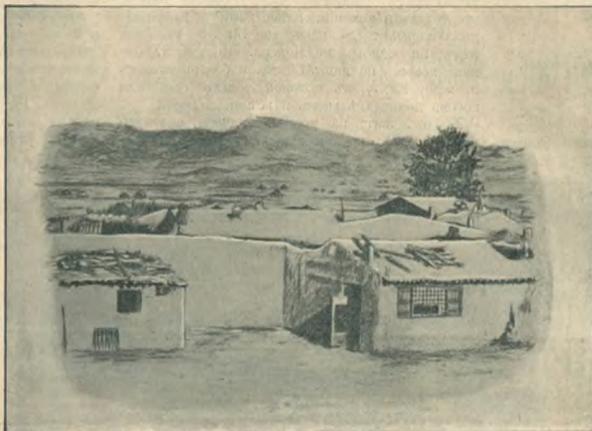
*) Маймачень по китайски „торговая свобода“.

стойкомъ закрываетъ собою окно въ лавку, которое въ китайскихъ домахъ дѣлается чуть не во всю длину наружной стѣны; такъ какъ стекла китайцы не употребляютъ, а заклеиваютъ переплетъ рамы бумагой, то такое окно не представляетъ большого препятствія для воровъ; во избежаніе злобаза снаружи окна устраиваются изъ неоструганныхъ и неочищенныхъ отъ коры жердинъ. Наши рисунки перерисованы карандашемъ г-ней Т—вой съ устарѣвшихъ фотграфій. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ под рукой рисунка, который изображалъ бы своеобразную шестую толпу въ торговой улицѣ Хобдо, представляющей этнографическую смѣсь; тутъ и сутулые китайцы съ горбою, набитымъ земледѣльческимъ трудомъ, и киргизы, чувствующій себя безпомощнымъ, свѣшившимъ съ коня, неуслужо перенимающимся на высокихъ каблукахъ, и монголы, однаково стройный и на конѣ и пѣши, и ловко маневрирующий въ тѣсной толпѣ монгольская наѣздница въ красномъ жуланѣ съ буфани на плечахъ и съ косами въ серебряныхъ чехлахъ.

Мѣновыми знаками въ Хобдо служатъ слитки серебра разной величины, такъ называемые ямбы, и киричный чай. Возлѣ открытыхъ оконъ лавокъ вы видите монголовъ, держащихъ подъ мышку киричный чай; это покупатели, принесшіе деньги для уплаты въ лавку; если совершается покупка на большую сумму, то покупатель становится подъ пѣдой полѣншей киричной чай. Для мелкаго дѣлаютъ, киричъ распилывается на полкиричи или на четвертины. Чохи, то есть медкая мѣдная монета въ видѣ кружковъ съ квадратной прорѣзью въ серединѣ въ Хобдо не ходитъ; кромѣ чайной дробы для мелкаго расчета употребляются шелковые доскуты, такъ называемые хадаки, и бязинные пояса. Поясъ изъ бязи идетъ за 10 коп., хадакъ за 20 коп. и дороже.

Г. П.

(Описание будней).

Внутренность двора въ г. Хобдо.

Ничего опаснаго нѣтъ и въ содержаніи столь нашумѣвшаго преданія. Алтайцы рассказываютъ, что они когда-то были подъ властью какого-то Ойротъ-хана, царя Ойрота, или, вѣрнѣе сказать, примѣняясь къ духу народныхъ представлений, у алтайцевъ былъ царь по имени Ойротъ. Это былъ, конечно монгольскій царь. Попарствовавъ, этотъ царь оставилъ свой народъ, то есть покончилъ свое существованіе, но удаляясь, онъ обещалъ своему народу когда-нибудь снова возвратиться, и вотъ, алтайцы ждутъ его чудеснаго прішествія.

Вотъ и все, что знаютъ объ этомъ царѣ алтайцы; по крайней мѣрѣ это все, что записано отъ алтайцевъ объ Ойротъ-ханѣ. Вы видите, что это одна изъ версій изъ легенды объ удаляющемся императорѣ; Ойротъ-ханъ это алтайскій Фридрихъ Барбаросса. То, что рассказываютъ алтайцы о своемъ удалившемся царѣ, недостаточно, чтобъ его фигура представлялась сколько-нибудь рельефно; очертаніе ея выступить передъ нами легче, если мы привлечемъ къ сравненію съ алтайскимъ преданіемъ легенды сосѣднихъ народностей, монголовъ и сойотовъ, у которыхъ также есть рассказы о подобной же личности, то есть объ удалившемся и ожидаемомъ царѣ или князѣ, хотя послѣдній является въ нихъ подъ другими именами.

У монголовъ мессіансія надежды соединяются съ именемъ Чингисъ-хана. По распростра-

ненному по всей Монголіи повѣрью Чингисъ-ханъ былъ сынъ неба, спустившійся на землю. Во все время своего земного существованія онъ находился подъ покровительствомъ неба, которое посылало ему отъ времени до времени важные дары, ивѣншіе сверхъестественную силу. По одной легендѣ небо послало ему въ даръ блѣзую лошадь, по другой чашу съ виномъ, по третей печати. Все это вѣроятно таисманна, благодаря присутствію которыхъ и пользовался народъ, управляемый Чингисъ-ханомъ, благоденствіемъ. Монгольскій народъ вѣритъ, что царствованіе Чингисъ-хана было золотымъ вѣкомъ Монголіи. Во время этого царствованія народъ жилъ въ полномъ благополучіи и не терпѣлъ никакихъ несчастій: не было ни засухъ, ни неурожая травъ и хлѣбовъ, ни голодовокъ и падежей скота; молока было всегда вдоволь, народъ былъ сытъ, не было вѣтрій и смертности дѣтей; не было также ни маетей, ни войнъ, ни междоусобій; среди людей царилъ миръ и благоволеніе. По одному повѣрью источникъ этого всеобщаго довольствія коренится въ персонѣ самаго Чингисъ-хана, по другому въ таисманѣ, которымъ онъ владѣетъ; вѣроятно оба эти преданія въ народномъ умѣ сливались, такъ какъ таисманъ представлялся вѣроятно не отдѣльнымъ отъ персони. По одному повѣрью, напримѣръ, изобиліе молока и благъ земныхъ связывалось съ кумисной мутьовкой, которую владѣлъ Чингисъ-ханъ; если-бы мутьовка была потеряна, царство Чингисъ-хана перестало бы благоденствовать. Но есть преданія, которыя не говорятъ о потерѣ таисмана, и падеже благосостоянія въ народѣ приписываютъ исчезновенію самаго Чингисъ-хана. Одно изъ преданій о Чингисъ-ханѣ удаленіе его отъ народа изображаетъ не актомъ будущаго, а какъ прішествіе уже случившагося.

Во время своей юности Чингисъ-ханъ велѣдшее гоненія братьевъ бѣжалъ изъ края; какъ только онъ оставилъ край, въ

Общій видъ пріека „6-я Берикуюла площадь“.

(Фот. И. Ф.—ра).

Средне-азиатскій мессіаниззмъ.

Ойротъ-ханъ, одинъ изъ наименѣе популярныхъ героевъ алтайскаго преданія, сохранившійся въ жалкихъ обрывкахъ, вѣрнѣе приобщить извѣстность и заинтересовать русское общество въ Сибири и даже привлечь безпокойство и хлопоты уѣздной администрации и нарушить обычное теченіе обывательской жизни. Дачники, пріѣхавшіе въ Алтай, начали возвращаться въ города; это вышло такъ же смѣшно и нереально, какъ если бы взрослый мужчина испугался маленькой дѣвочки или если бы баранъ обратилъ въ бѣгство волка. Такой страхъ не находить себя объясненія ни въ характерѣ народа, населяющаго Алтай, ни въ духѣ преданія, породившаго разговоры и нарушившаго спокойствіе на окрайнѣ. Алтайцы, живущіе въ долинахъ Алтая, племя совершенно мирное; это полускотоводы, полухотники за

Хлоринаціонный заводъ на пріеикѣ „6-я Берик. площадь“.

(Фот. И. Ф.—ра).

народѣ начались раздоры, неурядицы и разныя бѣды. Народные старѣвшіны должны были отправиться искать его, чтобы возвратитъ его въ край, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, возвратитъ народное счастье. Тутъ преданіе описываетъ сцену, несущую боевую природу юноши-царя. Они застали шалашъ, въ которомъ онъ жилъ, пустымъ, и спрятались, чтобъ высмотрѣть его образъ жизни. Чингисъ-ханъ подѣхалъ верхомъ на лошади, слѣзъ съ нея и сказалъ кому-то: Разсѣдайте лошади! Никого не было видно, но лошади были рассѣданы. Отворите двери! крикнулъ онъ и старѣвшіны увидѣли, какъ дверь сама распахнулась. Постелите войлокъ! приказалъ онъ и войлокъ самъ собою стелется. Сами собою по его приказанію появляются кушаны. Словомъ, все сейчасъ же исполняется, что онъ ни пожелаетъ, все равно, какъ въ русской сказкѣ съ Свудъ-королевичемъ, который Свудомъ потому и называется, что что ни задумаетъ, все то сейчасъ же и сбывается. Плыветъ онъ въ бочкѣ по

*) Въ XVIII столѣтіи въ югу отъ Алтая существовало малое государство, которое было вѣдомо подъ именемъ Ойротъ, по этому титулу также вѣроятно монгольскаго происхожденія.

моря и думает: хорошо, если бы бочка причадила, — и бочка причаляется. Бочка, распысь! гонорит оги, и бочка распысьлась, такъ что оги могъ выйти изъ нея. Хорошо, если бы тутъ былъ дворец! думаетъ оги и въ кою-пору является дворецъ. А кругомъ его садъ! продолжаетъ оги мечтать, — и въ мигъ густой садъ окружаетъ дворцовыя зданія.

Другое предание рассказываетъ, что Чингис-ханъ объѣзжалъ вокругъ свое царство, или по иной версии объѣзжалъ земной шаръ; дорогу, по которой оги проѣхалъ, и теперь указываютъ въ Монголии; это вальт, который непрерывно тянется на сотни версты. Во время этого путешествія оги чувствовалъ разные недостатки, но стоить только ему пожалеть, что волеи его стана, гдѣ оги расположился на ночь, итъ воды, поылиться ключъ прѣсной воды или озеро съ рыбой; опутить оги недостатку въ соли, по его желанію является солонное самосадочное озеро; итъ корму для скота, по его желанію являются зеленые луга.

Предание о старѣйшихъ, ипущихъ скрывавшего Чингисъ-хана, записано у киргизъ (одинъ вариантъ около Кокчетанскихъ горъ), предание объ объѣздѣ вселенной на окраинѣ восточной Монголии; между этими ждѣностями до 3000 версты; это расстояние указываетъ на широкую распространенность представлений о Чингисъ-ханѣ, какъ о божественной личности какъ среди монголовъ, такъ и среди тюрковъ.

Такъ какъ въ этомъ лицѣ народная вѣра видѣла источникъ великаго благополучія, то служебныя силы, окружавшія его, на лѣтисномъ вулгарномъ языкѣ его гвардія, носила названіе *кличитенъ* отъ монгольскаго слова *кличикъ*, «счастье». На югѣ Монголии ежегодно совершается праздникъ въ честь Чингисъ-хана, на которомъ народу раздаются части мяса лошади, заколотой въ жертву въ этотъ день; эти малые кусочки мяса называются «счастьемъ Чингисъ-хана». Всѣ эти черты рисуютъ Чингисъ-хана божествомъ мирнымъ и благотворнымъ. Монголы отождествляютъ этого своего древняго бога съ Чингисъ-ханомъ, извѣстнымъ средне-азиатскимъ завоевателемъ XIII вѣка, и, прериджаясь этого отождествленія, и иногда задалавъ кочевникамъ Средней Азии вопросъ, знаютъ ли они о военныя походатъ Чингисъ-хана на западъ и о завоеваніяхъ его въ Передней Азии, по получаютъ такой отвѣтъ: «Это недѣливо. Чингисъ-ханъ былъ сынъ неба; возможно ли, чтобы во время его присутствія совершались какія-нибудь убійства». Словомъ въѣтъ Чингисъ-хана былъ самый счастливиѣйшій вѣкъ въ жизни человѣчества и всѣ народы въ эту эпоху образовали лигу мира.

На мнѣическій характеръ преданій о Чингисъ-ханѣ сильно указываетъ какое-то отношеніе ихъ къ солнцу. Въ числѣ монгольскихъ преданій о такъ называемомъ вальѣ Чингисъ-хана, принимающаго его за дорогу, есть особая версия, которая представляетъ его дорогой свадебнаго поѣзда; по одному варианту Чингисъ-ханъ увидитъ по этой дорогѣ свою невесту, дочь царя Солнца (Нарангъ-хана), по другому оги отвозитъ по этой дорогѣ свою дочь, которую оги просылвалъ за царя Солнце. Если одинъ изъ дѣствующихъ лицъ въ сказаніи является солнце, то и представление о дорогѣ тоже могло явиться подъ влияніемъ мѣа. Азиатскій звѣданный эпосъ часто представляетъ небесный Млечный путь въ видѣ дороги или охотничья или богатыря. Если первобытный человѣкъ переносилъ явления земной жизни на небо, то бывали случаи и обратнаго переноса; иногда слѣды, оставленные небеснымъ героемъ на небѣ, оги видѣлъ и на землѣ подъ видомъ естественныхъ или искусственныхъ нагроможденій или сооружений.

И не нахожу невѣроятнымъ предположеніе, что легенды, связанныя съ сооружениями, поражающими своей длиной въ родѣ вальовъ, вьовъ и т. п., перенесены на нихъ съ небеснаго Млечнаго пути, или сказать иначе, что и Млечный путь

представлялся, подобно вальу Чингисъ-хана, дорогой свадебнаго поѣзда, по которой была прозвезена невеста или царя Солнца или Чингисъ-хана. Млечный путь представлялся или дорогой, по которой ѣхали къ солнцу или дорогой, по которой ходило само солнце. Древній обитатель монгольскихъ степей едва ли всегда различалъ личность Чингисъ-хана отъ царя Солнца, какъ это дѣлаютъ дошедшія до насъ редакціи легендъ; вѣроятно иногда само солнце подразумѣвалось подъ именемъ Чингисъ-хана, на что въ повърьяхъ и обрядкахъ средней Азии и есть указанія.

И уже говорилось, что въ глубинѣ Монголии, въ странѣ Ордулъ, бываетъ годичное торжество въ честь Чингисъ-хана; оно называется *танганъ*. Въ своихъ книгахъ я называлъ это торжество «доминками по Чингисъ-ханѣ»; такой неправильный переводъ слова *танганъ* и допустить подъ давленіемъ утвердившагося въ

сердца, полнаго жаждой жизни, посылаетъ на землю лучи, подѣ дѣйствіемъ которыхъ пустыня оживаетъ; появляется зеленая трава, распускаются цвѣты, пустыни превращаются въ сады, въ воздухѣ кишатъ мириады насекомыхъ, съ теплаго юга налетаютъ ибвучія птицы.

Судя по этимъ даннымъ въ Монголии существовало представление о демургѣ, то есть о главнѣйшомъ божествѣ, который стоилъ ниже божества, по которому приписывалось сотвореніе міра. Легенда, описывающая, какъ странствующій Чингисъ-ханъ однимъ своимъ хотѣніемъ вызываетъ жизненныя удобства и превращаетъ пустыню въ удобообитаемую страну, есть не что иное, какъ описаніе акта міроздавнія.

Къ концу лѣта творческая сила солнца ослабѣваетъ, жизнь на землѣ замедляетъ, но люди не сомнѣваются, что весной оно снова станетъ божественнымъ и вновь покроетъ землю чудесами своего творчества.

Монголы вѣрять, что Чингисъ-ханъ не навсегда оставитъ землю; что оги еще придетъ и между людьми водворитъ правду и залетѣть землю счастьемъ. Тархаты, которые хранятъ въ Ордуль останки и реликви Чингисъ-хана, объѣзжаютъ страну не съ единственною цѣлю сбора пожертвованій; они ибвѣютъ также зацѣль пасматривать, не народился ли ожидаемый богъ. Когда и гдѣ оги народится, никто не знаетъ; можетъ быть событие уже совершилось, и въ какой нибудь бѣдной куртѣ, среди телятъ и ягнятъ, божественный младенецъ валетаетъ въ лодкѣ, завернутый въ грязныя овчинки или поконтея на груди монголки—матери. Тархаты, объѣзжая страну, заходятъ въ курты, въ которыхъ есть новорожденный, и выкалываютъ передъ нимъ реликви Чингисъ-хана, которые они возить съ собою; чашу, изъ которой Чингисъ-ханъ пилъ, его саблю, слѣдо и пр. Подобно тому, какъ Ахиллесъ, скрывавшійся у царя Ликолада подъ женскимъ платьемъ, выдалъ свою исключительную натуру, такъ дитя-богъ обнаружить въ себѣ Чингисъ-хана, схватившись за реликви, какъ за вещи, которые когда-то составляли его собственныя; такимъ образомъ возвратившійся богъ будетъ найдѣнъ. Чингисъ-ханъ это монгольское «солнце правды»; оно закатилось, но оно снова взойдетъ и засияетъ надъ Монголіей.

Алтайское повѣрье объ Ойротъ-ханѣ слабѣй отголосокъ монгольскаго о Чингисъ-ханѣ. Ойротаи называли себя западныя монголы, которые у соседнихъ западныхъ тюрковъ, ибвѣсны подъ названіемъ калмыковъ. У этихъ западныхъ монголовъ были преданія совершенно параллельныя монгольскимъ, только герои этихъ преданій могли называться другими именами; вѣроятно у нихъ были легендарныя герои, совершенно соответствующія монгольскому Чингисъ-хану, но назывався оги не Чингисомъ, а Ойротомъ.

И вотъ это-то калмыцкое преданіе и есть преданіе западныхъ монголовъ объ Ойротѣ и забрело къ тюркамъ, обитающимъ въ Алтаѣ.

Кромѣ этихъ легендъ, есть еще и другія, соединенныя съ подобными же надеждами. Такъ на крайнемъ сѣверѣ Монголии у дархатовъ, живущихъ близъ границы иркутской губ. и у сойотовъ къ югу отъ енисейской губ. живутъ преданія о князѣ Шидарвань, притивнѣе котораго также ожидается. Содержаніе преданія такое. Монгольскіе князья составили заговоръ противъ китайскаго императора; во главѣ заговора стоялъ князь Шидарвань; князь князья были вѣрными условленному договору, въ знакъ вѣрности ѣли мясо черного козла и пили кровь черного козла, но уже на этой клятвенной трапезѣ одинъ князь задумалъ предать заговорниковъ; оги выдалъ заговоръ, Шидарвань былъ схваченъ и казненъ. Передъ смертю оги обещалъ своимъ соотечественникамъ снова явиться въ Монголию, и чтобы они могъ вызвать своихъ сторонниковъ, оги наказалъ имъ дѣлать у своихъ домовъ синія двери; обитатели сѣверной окраины Монголии ждуть его и дѣлаютъ синія двери.

Фабрика для протолчки и промывки руды на приискѣ «6-я Беркульская площадь» (Фот. И. Ф.-ра).

Китайскіе львы (Фот. В. В. Бухъ).

и еще не разрушеннаго мнѣнія, что подѣ Чингисъ-ханомъ всѣхъ монгольскихъ расказовъ слѣдуетъ разумѣть не кого другою, какъ извѣстнаго завоевателя XIII вѣка; на самомъ же дѣлѣ танганъ надо понимать въ смыслѣ жертвоприношенія. Празднество это совершается обыкновенно въ день лѣтняго солнцестоянія; слѣдовательно ордуский танганъ не что иное, какъ жертвоприношеніе богу солнца.

На то, что подѣ расказамъ о Чингисъ-ханѣ скрывается мѣо о солнцѣ, указываетъ и терминъ, который прилагается къ одному монгольскому обычаю. Останки Чингисъ-хана, находясь въ Ордуль, на югѣ Монголии, охраняются особымъ сословіемъ, такъ называемымъ тархатами; это камергеры или пажы Чингисъ-хана. Они ежегодно объѣзжаютъ Монголію за сборомъ пожертвованій, возятъ съ собою реликви Чингисъ-хана. Этому обычаю тархатовъ народъ даетъ названіемъ «круговертень Чингисъ-хана», которое намекаетъ на существованіе представленія о какомъ-то круговомъ движеніи. Чингисъ-ханъ это солнце, которое регулярно обходитъ вокругъ земли; это богъ, который изъ своего

Здѣсь далеко еще не всё преданія этого рода перечислены. Въ Монголіи изъ изобиліе. Поиито, когда въ соседнихъ странахъ начинается военная заваруха, надежда и ожиданія, связанныя съ этими преданіями, оживляются. Не съ этого ли момента, спрашиваютъ, начнется эра новаго порядка, при которомъ вопарится правда и миръ и наступитъ всеобщее счастье? Военачальники, двигающіе полками, не есть ли тотъ самый молодой богъ, о которомъ предсказывали преданія? Въ XIII в. въ переднюю Азію евреи и христіане ждали прішествія царя Давида, который долженъ былъ утвердить господство еврейскаго закона, думать еврей, христіанства, думать христіане. И когда въ XIII вѣ въ Переднюю Азію повалился полчища монгольскаго завоевателя Чингисъ-хана, евреи и христіане приняли его за вновь явившагося на землю царя-пророка. Впрочемъ, легенды о множественно Чингисъ-ханѣ существовали въ Монголіи задолго до XIII вѣка и когда въ этомъ вѣкѣ счастливый завоеватель появился, монголы приняли его за Чингисъ-хана, то есть за своего древняго бога, который вновь пришелъ, чтобы организовать челоуѣческую жизнь по новому плану. Неизвестная масса, не просвѣщенная сколько нибудь историческииъ знаніемъ, пораженная совершающимся мировымъ событіемъ, не имѣетъ подъ рукой другого архива, въ которомъ бы она могла найти руководящую справку, кромя народнаго преданія, и оно роется только въ своихъ преданіяхъ, и только въ нихъ находитъ отвѣты на свои вопросы.

По изложеннымъ здѣсь фактамъ читатель можетъ самъ судить, насколько въ народныхъ толкахъ, появившихся среди алтайцевъ, великъ яли ничтоженъ элементъ политическій или религіозный, а также насколько возбужденіе подобныхъ толковъ при извѣстныхъ условіяхъ является естественнымъ, не требуетъ присутствія особаго подстрекателя и насколько населеніе за появленіе подобныхъ толковъ не отвѣтственно. Противъ таикихъ народныхъ увлеченій, которыя, хотя и имѣютъ видъ благородныхъ утопій, но въ дѣйствительности правды и не способны оправдаться въ ближайшемъ будущемъ, лучшее средство—свѣтская школа.

Г. Потанинъ.

Изъ воспоминаній слѣдователя.

I.

Въ 189* году я служилъ судебнымъ слѣдователемъ въ одномъ изъ городковъ Степнаго края. Дѣло было дѣломъ, а только что возвратился изъ поѣздки по киргизской степи, гдѣ нужно было провести вскрытіе одного трупа и допроситъ нѣсколько свидѣтелей. Мѣсто было отдаленное и я проѣзжалъ дѣлду недѣлю. Не успѣлъ я разобрать дорожныя вещи, какъ миѣ сообщили, что меня спрашиваетъ начальникъ мѣстной почтовой-телеграфной конторы по важному дѣлу. Я поспѣшилъ выйти къ нему.

— А что васъ-то мнѣ и надо, вскричалъ онъ. Чай, слышали уже?

— Что такое? спросилъ я. Есть развѣ интересныя новости?

— Какъ же, батенька, да еще какія, вотъ будете вамъ великая задача.

— Да въ чемъ дѣло?

— А вы знаете нашего почтальона Антипьева?

— Да, знаю, а что?

— Ну-съ такъ этотъ самый Антипьевъ двадцать тысячъ казенныхъ денегъ хануулъ да еще какихъ денегъ—все золотомъ.

— Какъ хануулъ?

— Да очень просто: везъ онъ почту, а съ почтой по двѣдцать тысячъ золотомъ въ наие казначейство, въ особомъ бумажникѣ и лежалъ. Ну-съ, такъ Антипьевъ этихъ денегъ не довелъ, пріѣхавъ безъ нихъ, почта на сутки почти заповоздала. Пріѣхавъ и говоритъ: потерялъ деньги дорогой, искалъ и не могъ найти; что хотите, говорите, то со мной и дѣлайте. Ну-съ, такъ вотъ вамъ и придется счастіемъ проплатить. Дованіе мы уже сдѣлали и узяъ забрали его, голубчика, за желѣзную рѣшотку.

— А не могъ онъ ихъ дѣйствительно потерять?

— Что вы, что вы! такую-то, сумму, двадцать-то тысячъ! вѣдь это, какъ говорится, не баранъ чихнулъ. Вретъ, конечно! Отграбить почту еще могли, это, пожалуй можно допустить, но потерять невозможно.

Изъ дальнѣйшихъ моихъ вопросовъ выяснилось, что двадцать тысячъ казенныхъ денегъ исчезли у Антипьева между станціями М-ской и Н-ской. По произведенному дознанію еще на станціи М-ской, гдѣ Антипьевъ былъ поздно вечеромъ, онъ вносилъ съ собой небольшой тяжелый бумажникъ, а когда лошади были напряжены и киргизъ ямщикъ сѣлъ на козлы, онъ вынесъ этотъ бумажникъ въ повозку, куда были переложены почтовые чеходаны и убѣжалъ; на станціи Н-скую онъ пріѣхавъ лишь утромъ, повидному растерянный, перенуганный и заявлялъ, что потерялъ баулу съ 20 тысячами, что всю ночь проискалъ его вмѣстѣ съ ямщикомъ киргизомъ, но найти не могъ. Со станціи Н-ской Антипьевъ вмѣстѣ съ народомъ ѣздили днемъ уже на посылку, но денегъ не нашелъ. Вмѣстѣ съ Антипьевымъ были арестованы и киргизъ ямщикъ. Почтовое и полицейское начальство засуетилось, но прошла уже недѣля, а изъ двадцати тысячъ не было отыскано ни копейки.

— Это непременно дѣло Антипьева, говорять мой гость. Онъ уже былъ замѣченъ мной. Какъ-то и сидѣлъ у кассы, въ той-же комнатѣ былъ Антипьевъ. По дѣлу миѣ пришлось выйти ненадолго, а касса осталась незапертой. Советую позабыть ее запереть. И что-же! Вѣдь потомъ я не досчитался пяти рублей. Куда же они дѣвались? Я на другой день спросилъ Антипьева, не подумалъ ли онъ надо мной. Такъ онъ въ амбицію вляпался, я и не радъ сталъ. Такииъ вещами, говорите, не шутите. Прочитались, а другихъ обвиняете. Ну, конечно, у меня доказательствъ нѣтъ. А прочитались я въ тотъ день не могъ. Былаея иногда прочесть, ну а въ этотъ день, хорошо знаю, не было. Въ другой разъ дѣло было съ почтовыми яриками—и тоже это дѣло Антипьева. А потомъ однажды было большое корыстное нарушение правилъ: пассажира везъ, конечно, за плату. Въ этомъ онъ признался, извиненія просилъ; грѣхъ, говорите, попуталъ, хотѣлось кое-что получить. Почта, говорите, была легонявая, дорога хорошала. Оно, конечно, тяжесть небольшая, а вѣселоиъ нарушение правилъ! Послѣ маленькаго больнаго, а тамъ еще больше да больше, сколькій вообще путь! Возъ куда Антипьевъ забрался. Ду что ему? Засудить его или въ ссылку или въ арестантскія роты, а потомъ будетъ жить въ свое удовольствіе. Ему и Сибирь будетъ лучше Италіи. Вѣдь вы знаете, какал жизнь почтальона, какое жалованье. Тряпсею во всякую погоду, по всякой дорогѣ, гитайся кое-какъ и впередъ итъ просить! Да, это дѣло Антипьева и вотъ задача-то ваша и должна заключаться въ томъ, чтобы и преступника уличить и, какъ это по вашему-то, по судейскому—плоды преступленія, что ли сълѣбуть розмыскать и у преступника ихъ отнять, чтобы другимъ неповадно было. У Антипьева объектъ миѣ надо было произвести, хотя, я полагаю, у себя деньги держать онъ не будетъ, ну а можетъ, жей скажете, гдѣ они, она потомъ денги-то размыскать и домой принесть. Но теперь, конечно, искать нечего—еще рано.

Долго еще гость высказывалъ свои соображенія и приводилъ отъавы объ Антипьевѣ. Надо сознаться, отъавы были не лестныя. Антипьевъ и заявлялъ и растрагивалъ когда-то въ юности деньги отца и жену свою покарачивалъ въ пьяномъ видѣ и дебоширилъ и проч. и проч.

II.

Дня черезъ три Антипьевъ былъ у меня въ камерѣ на допросѣ вмѣстѣ съ киргизомъ ямщикомъ и съ вызванными по дѣлу свидѣтелями, которые подтвердили матеріалъ дознанія. Трудно было повѣрить, чтобы баулу съ денгами вымалъ изъ крѣпкой и глубокой повозки, тогда какъ другія, болѣе легкія сумки остались цѣлыми. Потери была вообще невѣроятна, уиисъ по мнѣнію товарища прокурора, пріѣхавшаго наблюдать за слѣдствіемъ, было достаточно и Антипьевъ и ямщикъ киргизъ допрошены были въ качествѣ обвиняемыхъ. Они предены были подъ конвоемъ. Антипьевъ, не высокаго роста, сутуловатый, среднихъ лѣтъ, съ неспмятаннымъ одолбаннымъ лицомъ, далеко не распологалъ къ себѣ. Его хриповатый голосъ какъ-то неприятно рѣзалъ ухо. Нѣкоторая асимметрия въ устройствѣ головы нѣсколько направляла мысль къ теоріи Ламброзо о природожденныхъ преступникахъ. Ямщикъ киргизъ молодой паренъ съ распухшимъ отъ слезъ лицомъ по виду казался жалкимъ, несчастнымъ, растеряннымъ. Можно было подумать, что онъ дѣйствительно не при чемъ во всей

этой исторіи, но можно было думать и обратное, что онъ просто искусный симулянтъ, разыгрывающій комедію вождоушенной невинности.

Миѣ приходилось за время службъ въ Степномъ краѣ видѣть такихъ искусниковъ. Для нихъ ничего не стоить расплакаться, повидному, самыми искренними слезами невинности. При допросѣ ямщикъ заявлялъ, что онъ ничего не знаетъ, никакой сумки не видѣлъ, въ дорогѣ видѣ не оставались, ни о чемъ съ почтальономъ не разговаривали и никого дорогой не встрѣчали. Ночь была довольно свѣтлая. Далѣе онъ показывалъ, что когда подъѣхалъ къ станціи Н—ской, почтальонъ, видимо рагѣ спавшій, вдругъ завожился въ повозкѣ, потомъ „дикимъ“ голосомъ приказалъ остановиться, высочлтъ изъ повозки и сталъ пересчитывать и ощупывать сумки, а жмѣвъ заявлялъ по киргизки, что одна сумка потеряна и побѣжалъ назадъ по дорогѣ, приказавъ ѣхать за нимъ.

Поиски были, однако, напрасны. Антипьевъ показавъ, что онъ былъ очень утомленъ предыдущей безсонной ночью, что отъ болясы, какъ бы не выкрали гнѣвную сумку, на которую дорогой на станціяхъ ямщики обрвали внимание дѣлствіемъ ел небольшого разбра при сравнительно тяжеломъ вѣсѣ, что поэтому эту сумку онъ старался держать поближе и даже какъ еѣ къ себѣ на козлы; что хотѣлъ не спать ночью, боюсь сильно разоспаться, что какъ-то противъ воли заснулъ очень крѣпко, а когда потомъ проснулся—сумки уже не было. Далѣе онъ расказалъ совпадалъ съ расказомъ ямщика и свидѣтелей.

Конечно, трудно было повѣрить правдивости этихъ показаній. Въ самомъ дѣлѣ, не лучше ли и не естественнѣе-ли было бы положить сумку за спину, подъ другія чеходаны и проч. Было ясно, что въ данномъ случаѣ совершенно преступленіе и вѣротно по соглашенію съ ямщикомъ.

Слѣдствіе заканчивалось, обвиняемые сидѣли подъ стражей, наставляла на своей невинности, а относительно исчезнувшихъ 20 тысячъ не было никакихъ слѣдствій; конечно они были зарыты! Хотя „плоды преступленія“ и не были найдены, но преступникамъ не удалось ускользнуть отъ кары. Правда, преступленіе совершено было уже чересчуръ примитивно, но вѣдь совершенно оно было въ Степномъ Краѣ, гдѣ неизвѣстны еще Фра-Даволо и Рокамболи...

Зав.—II.

(Окончаніе будетъ).

Къ рисункамъ.

Прислкъ „Шестая Беркульская площадь“.

Прислкъ „6-ая Беркульская площадь“, находящаяся въ Маринской тайгѣ Томскаго горнаго округа, на золотонной рѣкѣ Беркуль, много лѣтъ переходила изъ рукъ въ руки Настоящимъ его владельцемъ является С. Х. Хотимскій. При немъ-то, какъ извѣстно, въ прошломъ году лѣтомъ была открыта дѣлая съѣвъ жинь съ большимъ содержаниемъ золота. Въ настоящее время прислкъ „6-ая Беркульская площадь“ одинъ изъ самыхъ лучшихъ въ Маринской тайгѣ, какъ по содержанию золота, такъ и по обстановкѣ. Прислкъ соединенъ колесной дорогой съ селомъ Тусуль, благодаря чему доставка грузовъ возможна во всякое время года, что очень важно. Перваго іюня нынѣшняго года было совершенно открыты химическаго завода для извлеченія золота изъ промывной уже руды, такъ называемыхъ „шломовъ“. Этотъ заводъ, единственный во всей Сибири, далъ блестящіе результаты: изъ четырнадцати тысячъ пудовъ „шломовъ“ было извлечено пять фунтовъ двѣдцать золотниковъ золота.

И. Ф.

Китайскія львы.

Фотографія наша изображаетъ сценку изъ уличнаго жизни Харбина. Китайцы чрезвычайно любятъ, какъ шкуи зрѣлшя, процесси. Надо только вспомнить, какъ шумно и декоративно обставлены они свои священныя праздники, какъ они любятъ театры. Но и въ будни повсюду бродятъ музыканты, фокусники. Вотъ китайскій мальчикъ, богато разодѣтый, показывающій въ Харбинѣ „львовъ“. Косматыя животныя трусятъ своими огромными уродливыми кривотыиъ головами, страшно ричать, скрываютъ, внутри себя жалкаго паукообразнаго китабца, который ела кожетъ просуществовать на троихъ, собираемъ за чредстваніемъ. Вокругъ собралась толпа, состоящая главнымъ образомъ изъ солдатъ, съ любопытствомъ смотрящая на „китайскія чудовища“.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Паровая типо-литографія П. И. Макушина.